

УДК 94(47).084.9:[327+172.4]

DOI: 10.37482/2687-1505-V071

*ЙАНЛИК Левент, аспирант кафедры «Связи с общественностью» Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону). Автор 6 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8653-8295>

ИСПЫТАНИЕ СОВЕТСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА: ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ В СССР В НАЧАЛЕ 1960-х годов

Для левых политических движений по всему миру интернационализм, основанный на принципах марксизма-ленинизма, всегда имел большое значение. Предметом анализа в статье является советский интернационализм в отношении иностранных студентов в СССР в начале 1960-х годов. Автор рассматривает некоторые проявления идеологической борьбы между советскими и китайскими коммунистами в связи с международным молодежным движением и обращает внимание на три демонстрации иностранных студентов, обучавшихся в Советском Союзе. Первая демонстрация произошла 5 августа 1962 года – трое активистов левой воинствующей японской студенческой организации «Зенгакурэн», в т. ч. и лидер движения Немото, протестовали на Красной площади против испытаний советского ядерного оружия. После возвращения домой Немото подал иск в отношении московской милиции. Данная кампания не вызвала «антисоветскую истерию», однако показала разобщенность студенческих движений. Следующая демонстрация на Красной площади была организована африканскими студентами 18 декабря 1963 года, поводом стала смерть студента-медика из Ганы Эдмунда Ассаре-Аддо. Автор рассматривает данный инцидент на фоне конфликтов со студентами из Африки, а также дипломатического кризиса, вызванного студенческими демонстрациями в Гвинее в конце 1961 года, к которым присоединились и гвинейские студенты, обучающиеся в СССР. Третья демонстрация произошла 17 марта 1964 года, когда около 50 марокканских студентов ворвались в посольство Марокко в Москве и организовали сидячую забастовку-голодовку, протестуя против смертных приговоров в отношении 11 человек, которые якобы попытались убить короля Хасана II. Соотношение социалистической государственности и принципа интернационализма показало закономерность: когда есть государство, тогда интернационализм подвергается серьезным испытаниям. Первые демонстрации иностранных студентов в СССР свидетельствовали об этом факте.

Ключевые слова: интернационализм, Зенгакурэн, Эдмунд Ассаре-Аддо, протестные демонстрации на Красной площади, советские ядерные испытания, иностранные студенты в СССР.

*Адрес: 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1; e-mail: lenta47@list.ru

Для цитирования: Йанлик Л. Испытание советского интернационализма: иностранные студенты в СССР в начале 1960-х годов // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. № 1. С. 21–32. DOI: 10.37482/2687-1505-V071

Марксистско-ленинская доктрина актуальна не только потому, что она открывает перспективы в изучении и развитии гуманитарных наук, но и потому, что снова и снова воспроизводит преобразовывающие общество левые политические течения и в развивающихся, и в развитых странах. Основы этой доктрины определяют подходы многих, особенно молодежных, организаций к преобразованию общества, формированию революционного движения и антиимпериалистической, антифашистской и, в общем, антикапиталистической борьбе.

Интернационализм – это один из главных звеньев марксистско-ленинской доктрины, который, как показывает история XX века, противоречит государственности.

Основные тексты по этой проблематике – классические работы К. Маркса и В.И. Ленина, в т. ч. «Гражданская война во Франции», «Государство и революция», некоторые статьи Че Гевары и т. д. Однако все эти работы не отвечают и не могут отвечать на вопросы, которые преподносят исторический опыт XX века и связанные с ним некоторые актуальные события. Не потому, что эти работы устарели, а потому, что они принадлежат к своему времени. Их политическое значение состоит в теоретическом подходе к событиям того времени, в теоретических выводах, которые были предложены. Почти все эти тексты, кроме «Государства и революции», относятся к предреволюционному периоду. А как поступали бы обретшие государственность революционные движения в послереволюционный период? По ленинской концепции, советское государство было отмирающим государством. Однако в 1939 году Сталин предложил свою интерпретацию: ленинская концепция «отмирания государства» верна, «если предположить, что социализм уже победил во всех странах или в большинстве стран, вместо капиталистического окружения имеется лицо окружение социалистическое, нет больше угрозы нападения извне, нет больше нужды в усилении армии и государства» [1]. Если же социалистическое государство не отмирает, оно остается государством, несмотря на

некоторые некапиталистические характеристики, и из этой государственности вытекают задачи, которые полностью совпадают с задачами государства любого другого вида. Так, мы наблюдаем, что даже в годы Коминтерна интернационалистические задачи постепенно заменялись задачами развития и безопасности СССР. Следовательно, за всю историю Советского Союза принципиальность в отношении интернационализма постепенно подвергалась испытанию прагматичностью.

Однако прагматичность современных социалистических государств гораздо более явная, чем советская. Следовательно, тема этой статьи – советский интернационализм – актуальна в трех аспектах:

1. Тема интернационализма все больше дискутируется и будет дискутироваться в разных марксистских кругах мира в силу того, что левый дискурс актуален в неолиберальном мире.

2. Дискуссии о марксистских принципах, как правило, ведутся особенно активно в левых молодежных организациях и группах.

3. При катастрофических событиях и постоянных кризисах в неолиберальном мире советские история и опыт привлекают все большее внимание в левых организациях. Несмотря на все недостатки этого опыта, он рассматривается как выход из катастрофы.

В первые дни протестов «желтых жилетов» во Франции «Global Times», английское дочернее издание китайской «Жэньминь Жибао», опубликовало комментарий о том, что французские рабочие должны воспринимать неолиберальную глобализацию французской экономики как «движение вперед» [2]. (Даже в конце 2019 года в данной газете можно было встретить комментарии о том, что французское правительство было право в применении неолиберальных мер и силовики подавили демонстрации законно, т. к. они не были разрешены. См. [3].) Совсем недавно кубинские власти не допустили выступление на конференции об антиимпериализме на «острове Свободы» известной турецкой музыкальной группы «Grup Yorum», творчество которой близко идеологии

леворадикальной политической организации ДНKP-C (Революционная народно-освободительная партия-фронт) [4]. Власти Венесуэлы, считающие себя социалистическими, ощущают себя в едином антиимпериалистическом лагере с покровительствующим исламизации страны Р.Т. Эрдоганом (см., например: «Мадуро хвалит Эрдогана как друга и “лидера нового многополярного мира”» [5]).

Все вышеперечисленные факты – современные проявления закономерной трансформации левой идеологии в странах, где партии – носители этой идеологии – становятся правящими. В данном случае фетишизированный характер государства проявляется даже сильнее, чем в капиталистических странах. Интернационализм, который является одним из базовых принципов марксизма, вступает в противоречие с фетишизированным государством. Иностранцы студенты из развивающихся стран, приехавшие учиться в СССР, оказались участниками и заложниками столкновения реальности с доктриной, сделав вывод об отказе первого социалистического государства от принципа интернационализма. Наиболее болезненным это открытие было для носителей левых идей.

В начале 1960-х годов коммунистическое движение оказалось расколотым. Это проявилось не только в разрыве отношений между Коммунистической партией Китая и КПСС, не только в идеологическом размежевании групп внутри коммунистических партий ряда стран, но и в делении молодежных организаций по степени радикализации.

Примером того, насколько трудно носителям революционаристского мировоззрения понять и принять отклоняющуюся (даже отчужденную) от «пролетарского интернационализма» политику государства, возникшего в результате социалистической революции, является инцидент, произошедший 5 августа 1962 года. В этот день на Красной площади трое студентов из Японии, прибывшие в СССР для участия в VII конгрессе Международного союза студентов, подняли плакаты и раздавали листовки против возобновления советских ядер-

ных испытаний. Они сразу же были задержаны столичной милицией на два часа. Эти трое студентов были членами радикальной японской студенческой организации «Зенгакурэн», созданной группой левых воинствующих коммунистов, вышедших в 1948 году из Коммунистической партии Японии, а также присоединившимися к ним анархистами [6, р. 7]. К 1960-м годам это была массовая организация, насчитывающая 300 тыс. человек, которая оказывала существенное влияние на 700 тыс. студентов из университетов Японии [7, р. 181].

Акция была спонтанной, предпринятой под влиянием чувства разочарования, вызванного заявлением Советского Союза о продолжении испытаний водородной бомбы. Не последнюю роль сыграло и то, что Япония была единственной страной, испытавшей ужас атомных бомбардировок. Эмоциональную версию произошедшего поддерживал исследователь этой истории Герт ван Маанен, утверждая, что «советское нарушение моратория (на испытания ядерного оружия. – Л.Й.) для “Зенгакурена” было настоящим ударом в спину» [8, р. 219].

Согласно Маанену, жесткие действия милиции «вызвали их негодование». Немного и двое других японцев были отпущены, и им было разрешено ехать в Ленинград для участия в VII конгрессе Международного союза студентов. Во время проведения конгресса они захотели раздавать листовки (нет данных о способе их изготовления; возможно, они были написаны вручную). Советская делегация воспрепятствовала этому, забрав все листовки со словами, что власти могут выслать японских студентов в течение суток, «если они не будут соблюдать местных законов». По-видимому, японцы не отступили: «На пленарном заседании они заявили, что любое оправдание ядерных испытаний является абсурдным и аморальным. <...> Точно так же Китай не служит интересам мирового коммунизма, объявив в настоящее время невозможным разоружение, так и Советский Союз двуличен, когда отдает приоритет своей

собственной обороне, а не интересам мирового пролетариата» [8, р. 219].

На защиту советской позиции встали делегаты из Китая, Чили, Нигерии, Бирмы, Кубы и других стран. Китайский делегат сказал, что «угрозе империализма должна быть противопоставлена реальная сила, поэтому Советский Союз вынужден проводить ядерные испытания». Также интересно, что, по-видимому, он подозревал «Зенгакурена» в попытках углубить разногласия между компартиями КНР и СССР: «Любые попытки нарушить советско-китайскую дружбу обречены на провал» [9]. Действительно, в сообщении ТАСС говорится, что «Хитоши разглагольствовал [expatriated] о несогласии между СССР и КНР» [9]. Согласно отчету «Радио Токио» 20 августа 1962 года, «Хитоши отметил наличие различий между Советским Союзом и Китаем» [10].

Любопытно, что решение СССР о продолжении испытаний поддержал делегат из Албании, который назвал их «антибиотиком для Америки» [8, р. 219–220]. Это удивительно в связи с тем, что на конгрессе политика Албанской партии труда подверглась массивной критике со стороны коммунистических союзов молодежи СССР и Китая. К этому времени уже обозначились разногласия между советской и китайской коммунистическими партиями, албанцы сделали первые шаги по пути раскола в коммунистическом движении, однако все эти обретшие государственность революционные движения старались выглядеть единым лагерем. В заключение советская сторона обвинила японских студентов из «Зенгакурена» в небескорыстной работе на реакционные круги («...Всегда найдутся люди, которые вводят общественное мнение в заблуждение за деньги» [8, р. 220]), чем вызвала их бурное возмущение.

В конце своей работы конгресс не принял обычного единодушного решения. Но сообщение о резолюциях VII конгресса Международного союза студентов, опубликованное в «Комсомольской правде» 30 августа 1962 года, было составлено в традиционной тональности: «Представители национальных студенческих

ассоциаций 90 государств заявили: “...Миллионы людей все еще изнывают под колониальным гнетом, гибнут от болезней, нищеты и невежества. Все это ясно говорит о том, что борьба за сохранение мира, за достижение всеобщего и полного разоружения, а также борьба народов за национальную независимость, против колониализма и империализма является первоочередной задачей нашего времени”. Воззвание призывает студентов всех стран усилить борьбу за мир, за всеобщее и полное разоружение, за мирное сосуществование государств с различными социальными системами» [11].

После возвращения домой Немото подал иск на московскую милицию, обвинив ее сотрудников в том, что «они заткнули им рот, избili и повесили их вверх ногами» [12]. Основанная троцкистами и занимавшая критическую по отношению к СССР позицию газета «The Militant» в своем сообщении об этом инциденте подчеркивала, что «Зенгакурена» является массовой демократической организацией и борется против милитаризма и империализма.

Инициированная кампания не получила характер «антикоммунистической истерии». Возможно, сыграло роль и то, что «Зенгакурена» выглядел слишком радикальным и, следовательно, опасным, а также и то, что 21 августа 1962 года было подписано торговое соглашение между СССР и Японией. Однако инцидент в Москве с членами группы «Зенгакурена» показывал, что единство прогрессивной молодежи было иллюзией.

Стоит поближе рассмотреть атмосферу послевоенного мира, в какой разворачивались вышеописанные события. В 1950-е годы свежая память о Второй мировой войне создавала основу для популярности лозунгов о разоружении. Эта линия находила поддержку не только среди левых партий и движений, но и у внепартийной широкой общественности государств, переживших войну.

Однако в 1960-х годах на политическую арену вышло новое молодое поколение. В государствах, участвовавших в мировой войне, это были те, кто перенес ее в слишком раннем

возрасте для того, чтобы это испытание оказало влияние на формирование их собственного социального и политического мировоззрения. А молодежь стран так называемого третьего мира убеждалась на личном опыте, что основные советские тезисы: «мирное сосуществование» в империалистической системе, «некапиталистический путь» и «мирный переход» к социализму – все это было просто отрицанием революции и малопродуктивно в борьбе за экономические, социальные и политические права, за государственную независимость, потому что в большинстве этих стран господствовали или военно-диктаторские режимы, или «филиппинская игра в демократию» (демократия на слове, фашистская диктатура на деле), как выразился Махир Чаян (1946–1972), один из самых влиятельных теоретиков левого движения в Турции [13, р. 108, 198, 271, 351]. В проповедовании «мирного сосуществования» эти молодые революционеры видели форму классового сотрудничества и четко понимали, что они не могут победить, если пойдут в фарватере внешней политики, принятой КПСС. Политика разрушения считалась не только недостижимой, но даже препятствующей победе. Даже в западных странах именно в это время возникли корни первых вооруженных радикальных организаций.

Напомним, ленинская внешняя политика была основана на противостоянии двух мировых систем, а внешняя политика Хрущева – на возможности мирного соперничества. Сталинско-моловская внешняя политика большей частью соответствовала ленинской, однако, несомненно, имела немало отклонений, которые затем реализовались во внешней политике Хрущева. Согласно тезису мирного сосуществования, социализм должен постепенно, без военных столкновений, экономически победить капитализм. Так, партийные вожди считали, что мирное сосуществование – это единственный способ избежать войн, и для этого в отсталых, слаборазвитых и даже развитых странах нужно было осваивать «мирный переход» к социализму, который должен осуществляться «некапиталистическим путем».

Следующим испытанием для репутации СССР в глазах прогрессивного молодежного движения стала демонстрация африканских студентов 18 декабря 1963 года. Поводом к ней послужила смерть студента-медика из Ганы Эдмундо Ассаре-Аддо, чей труп был обнаружен в лесу у проселочной дороги, ведущей к Московской кольцевой автомобильной дороге. Как писал Дж. Гессле, автор очерка об этом случае: «Подозрительная ситуация заставила ганцев и других африканских студентов истолковать смерть Ассаре-Аддо как преступление на почве расовой ненависти. <...> В состав демонстрантов входили африканские студенты, зачисленные в советские университеты и институты. <...> Протестующие студенты несли плакаты с такими подстрекательскими лозунгами, как “Москва – центр дискриминации”, “Хватит убивать африканцев!” и “Москва – вторая Алабама”, все время выкрикивая лозунги на английском, русском и французском языках» [14, р. 33]. Агентство «Ассошиэтед пресс» сообщало об акции ганских студентов, упоминая несуществующую драку с милицией, однако корреспонденты и редакторы агентства правильно оценили важность события: «Несколько сотен студентов из Ганы и других африканских стран сегодня штурмовали Красную площадь, прямо под окнами премьера Хрущева, боролись с милицией и пробовали прорваться в Кремль». Численность демонстрантов тоже была слишком преувеличена. На самом деле их было не более 150 человек [15].

Расследование показало: смерть студента наступила в результате несчастного случая, от переохлаждения в состоянии алкогольного опьянения, что было признано и ганской стороной. Хотя причина гибели Ассаре-Аддо была установлена, всем было ясно, что пускать на самотек устройство жизни африканских студентов в СССР нельзя.

Расширение культурных и общественных связей с народами Африки было важно с учетом новой мировой политической обстановки. После Второй мировой войны усилилась борьба против колониализма, и установление прочных

отношений между Советским Союзом и «негритянскими» национально-освободительными движениями и недавно получившими свою независимость странами Африки было крайне полезно для обеих сторон. Кроме политической и экономической поддержки, СССР заботился о «расширении культурных и общественных связей с негритянскими народами Африки и усилении влияния Советского Союза на эти народы» – об этом свидетельствует заголовок постановления ЦК КПСС от 20 января 1960 года. В нем говорилось: «Признать целесообразным увеличить прием учащихся, студентов и аспирантов из негритянских стран Африки для обучения в высших и средних специальных учебных заведениях Советского Союза» [16]. Несмотря на то, что постановление имело гриф «строго секретно», Н.С. Хрущев огласил его содержание через четыре дня во время визита в Индонезию, сообщив, что советское правительство, желая оказать помощь странам Азии, Африки и Латинской Америки в подготовке своих национальных кадров, решило учредить в Москве Университет дружбы народов. Обучение в Университете дружбы народов, как и в других вузах СССР, должно было быть бесплатным, студенты – обеспечиваться стипендией, бесплатной медицинской помощью и общежитием. Проезд в СССР и обратно также осуществлялся за счет Советского Союза. В текущем году планировалось принять 500 студентов из стран Азии, Африки и Латинской Америки [17].

Университет дружбы народов им. П. Лумумбы действительно открылся 17 ноября 1960 года [18]. До его открытия в СССР обучалось лишь 72 студента из стран Черной Африки. Плановая цифра приема иностранных студентов была достигнута уже в первый год работы вуза, а к концу 1960-х годов студентов-иностранцев стало около 4 тыс. человек [14, р. 35].

В первые же годы после введения этой практики (еще до создания Университета дружбы народов) имели место инциденты, как утверждала африканская сторона – на расовой почве. 17 марта 1960 года лидеры инициатив-

но созданного Союза студентов Черной Африки в СССР направили Н.С. Хрущеву письмо с просьбой предпринять энергичные меры против расовых преследований: «Нам кажется, что для энергичного предотвращения явлений, которые нам бы не хотелось называть “расовой дискриминацией”, правительству этой страны следует принять меры по недопущению повторения инцидентов, которые угрожают будущему наших отношений. <...> Подобно многим африканским студентам в других частях земного шара, мы приехали в эту страну учиться, а не как беженцы. Поэтому мы вправе ожидать к себе нормального человеческого отношения, на которое может рассчитывать каждый гражданин этой страны» [19, с. 351].

В дальнейшем, по мере увеличения числа студентов-африканцев число писем в высокие инстанции тоже росло, о чем упоминают и зарубежные, и отечественные авторы. С.В. Мазов отмечал, что к написанию жалоб были склонны именно африканские студенты. При этом, по свидетельству одного из руководителей Московского автодорожного института, главную роль в конфликтах играли сомалийские студенты, которые были «просто хулиганским элементом» [20]. Дж. Гессле считал объективным основанием для конфликтов тот факт, что «число студентов мужского пола превосходило число студентов женского пола из стран третьего мира в восемь или девять раз, и <...> в течение как минимум нескольких лет совсем не было никаких африканских женщин» [14, р. 35–36]. Но, по отзывам самих африканских студентов, конфликты из-за девушек не воспринимались как проявления расовой неприязни. Бывший студент из Ганы, учившийся в Московском государственном университете, К.К. Айвор говорил корреспонденту «ВВС»: «Нельзя сказать, что это был расизм. Конечно, всякое бывало. Например, когда мы кадрили девушек на улицах. Но того, что сейчас рассказывают о скинхедах в России, тогда не было» [15]. Таким образом, студенты четко понимали разницу между идеологическим расизмом и поведенческими формами ксенофобии.

Причины существования препятствий в общении между советскими людьми и иностранцами называются разные и зависят от занимаемой по отношению к советской идеологии позиции. С.В. Мазов связал конфликтные случаи с «осторожностью и подозрительностью в отношении иностранцев», которые «были частью советского воспитания» [19, с. 349]. Советские власти отвечали на жалобы студентов-африканцев, используя клише о том, что «к сожалению, даже в нашем социалистическом обществе все еще встречаются отдельные бессознательные или хулиганские элементы, которые могут совершать враждебные нападения на наших иностранных друзей» [14, с. 38]. Подобная идеологическая «зашоренность», или, по словам Дж. Гессле, «идеологическая самоуверенность», приводила к тому, что даже незначительные случаи бытового расизма передавались из уст в уста африканскими студентами, а неспособность советских властей открыто ставить эти проблемы провоцировала формы расовой обиды. Можно представить разочарование африканского студента, который приехал в страну своей мечты, где, по его мнению, не должно было быть таких, и вообще никаких, проблем.

Косвенно Дж. Гессле подтверждает, что настороженность советских людей по отношению к африканцам была результатом контакта разных миров. В СССР материальная поддержка студентов из Азии и Африки осуществлялась из государственного бюджета. Ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН С.В. Мазов рассказывал: «В ГУМе существовала закрытая секция, где отоваривалась номенклатура. Там же африканские студенты могли купить теплые вещи на деньги, которые им выдавали помимо стипендии. Иные советские студенты в 1960-е годы жили хуже» [15].

Пролетарский интернационализм советского государства должен был пройти испытание выбором между противоборствующими политическими силами в странах, откуда приезжали обучающиеся в СССР.

Как все государства, Советский Союз тоже имел дипломатические отношения со странами,

в ряде которых существовали монархические и даже диктаторские режимы. Это было неизбежно, потому что в основе внешней политики советского правительства лежало мирное сосуществование, а также потому, что советское государство было государством со всеми вытекающими отсюда задачами; иными словами, свойственные любому государству задачи государственности уже превышали остальные задачи, в т. ч. и интернационалистические, социалистического государства.

Советская сторона сталкивалась с серьезной проблемой, когда, например, студенты одной из стран организовывали протесты против правительства своей страны, находясь на обучении в СССР. Возникала дипломатическая проблема, угрожавшая сворачиванию политических, экономических, культурных связей с этими государствами в случае, если советская сторона не выполняла требование о возвращении таких людей на родину.

И такие случаи были. Первый – это высылка на родину гвинейских студентов, которые требовали демократизации режима в своей стране. В начале 1960-х годов Гвинея являлась самым близким союзником Советского Союза в Африке. Но в это же время первый президент независимой Гвинеи Ахмед Секу Туре стал реализовывать политику равноудаленности от обоих мировых лагерей, объявив «позитивный нейтралитет» внешнеполитической стратегией Гвинеи. В сентябре 1961 года было арестовано 28 советских специалистов по обвинению в контрабанде краденых бриллиантов. В ноябре начались преследования гвинейских коммунистов. Один из них после задержания был убит за «шпионаж в пользу иностранного посольства» (имелась в виду, конечно, советская дипломатическая миссия). Были задержаны пять лидеров Союза учителей, и затем – еще четверо по обвинению «в тесном контакте с коммунистами в Конакри, в Париже и в Дакаре». 23 ноября того же года пятеро из них были приговорены к тюремному заключению на срок от пяти до десяти лет. Советский посол в Гвинее Д.С. Солод был выслан из страны 16 декабря

из-за критики карательных мер правительства. В Конакри начались демонстрации, среди несогласных было много студентов. Правительство временно закрыло все учебные заведения. Туре объявил: имеются доказательства того, что демонстранты связаны с «одним посольством» [19].

Гвинейские студенты в Москве присоединились к протестам на родине. Ахмед Секу Туре заявил: «Нам не нужны фанатичные пропагандисты здесь», официально потребовал от советского правительства «скорейшей отправки всех учившихся в СССР гвинейцев на родину» и пригрозил больше не отправлять студентов в СССР [19, с. 372; 21, р. 14]. Отечественный историк С.В. Мазов попытался выяснить схему действий, предпринятых профильными структурами для сглаживания инцидента: «Советское руководство не хотело новых неприятных сюрпризов в Гвинее и решило употребить власть в отношении непокорных гвинейских студентов. На специальных встречах с ними представители министерства высшего и среднего специального образования и МИДа зачитывали “соответствующее заявление”. Выяснить его содержание автору не удалось, но после этих встреч студенты согласились вернуться в Гвинею и послали в политбюро ДПГ [Демократическая партия Гвинеи, правящая партия страны] телеграмму, где они “признали свою ошибку и заявили о верности ДПГ”. Все студенты выехали на родину, успешно прошли проверку на лояльность правящему режиму и вскоре вернулись для продолжения учебы в СССР» [19, с. 373].

В другом случае кураторы студентов-иностранцев приняли меры для предупреждения возможных инцидентов. Когда в 1960-е годы кубинские студенты занялись пропагандой идей Че Гевары среди латиноамериканских студентов Университета дружбы народов, руководство вуза обратилось в министерство высшего образования с просьбой распределять кубинцев по другим учебным заведениям СССР, где не было большой латиноамериканской общины [15].

17 марта 1964 года приблизительно 50 марокканских студентов ворвались в посольство

Марокко в Москве и организовали сидячую забастовку-голодовку, протестуя против смертных приговоров в отношении 11 человек, которые якобы попытались убить короля Хасана II [22]. Посол обратился к властям, чтобы они проигнорировали правила экстерриториальности и удалили студентов силой. Советская сторона выполнила запрос. Затем посол потребовал лишения стипендии и депортации из Советского Союза участников акции. Но советское правительство перевело стипендии на счета общественных организаций и ответило, что оно не обладает никакой юрисдикцией по стипендиям этих организаций.

Соотношение социалистической государственности и принципа интернационализма показало закономерность: когда есть государство, интернационализм подвергается серьезным испытаниям. Все социалистические государства пошли по пути укрепления дипломатических отношений со всеми странами мира и соблюдения принципа мирного сосуществования, но никакое освободительное движение не могло позволить себе этого до тех пор, пока не побеждало в своей стране.

Мировое молодежное движение развивалось в условиях новой советской концепции внешней политики, начало которой пришлось на 1920-е годы, однако полностью она была сформирована одновременно с десталинизацией страны. Согласно этой концепции, миру нужен мир, всякая политическая борьба грозит эскалацией международной напряженности, несущей множество нежелательных последствий, из чего вытекает политика мирного сосуществования как наиболее оптимальная в современных условиях. Политика мирного сосуществования теоретически не предусматривала отказа от борьбы между миром капитализма и миром социализма; теоретически – даже наоборот: мирное сосуществование интерпретировалось как продолжение классовой борьбы в новых реалиях. Однако еще в 60-е и даже в 50-е годы в связи с Багдадским пактом, Карибским кризисом, строительством

Берлинской стены ставилась под сомнение возможность мирного сосуществования. Реформы Косыгина–Либермана также показали, что мирное соперничество не решило экономических проблем Советского Союза. Пример с Индонезией говорил о том, что мирный переход к социализму не мог состояться. И становилось очевидным, что некапиталистический путь невозможен, т. к. через этот путь появлялись не социалистические государства, а мелкобуржуазные диктатуры, которые предпочитали госкапитализм. Правда, всеобщая война между социалистическим и капиталистическим мирами не возникла, однако сложно сказать, что этого не случилось только (или в основном) благодаря политике мирного сосуществования.

Нельзя также утверждать, что политика мирного сосуществования была совсем бесполезна для народов мира. Скорее наоборот: несомненно, благодаря этой политике началась «Бандунгская эпоха», которая преобразовала мир.

С другой стороны, именно окончательное оформление данного курса способствовало расколу в коммунистическом движении, хотя для этого были и другие причины, связанные с обретением государственности революционными движениями. Так, конфликт между социалистическими Албанией и Югославией был вызван ростом националистических тенденций

в руководстве этих стран, в советско-китайском конфликте также играли немалую роль националистические требования Китая.

Ориентация на международные контакты при игнорировании классовых и политических различий укрепила международный авторитет СССР, поскольку позволила выйти на международную арену и получить признание новым государствам, их политическим движениям, партиям и общественным организациям, т. е. повысила их международную легитимность. Мы находим отражение этого эффекта в словах президента Национального союза студентов Индонезии Б. Кусохоади: «Международные контакты помогают укреплять дружбу народов разных стран и содействуют укреплению независимости Индонезии» [23].

В то же время Коммунистическая партия Китая продолжала считать борьбу против империализма «основным противоречием» современного мира. Так международные курсы СССР и КНР стали основанием для раскола в среде молодежных организаций в 1960-е годы. Это повлияло на состав студентов-иностранцев, приехавших на учебу в СССР, и выразилось в количественном доминировании студентов из Африки и Индии. Даже молодые люди из стран социалистического лагеря им численно уступали. Африканцы и индийцы были мало политизированы и приезжали только для того, чтобы получить образование.

Список литературы

1. *Сталин И.В.* Отчетный доклад на XVIII Съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года // Правда. 1939. 11 марта.
2. *Derviş K., Conroy C.* Macron Needs to Manage Social Change, Innovations // Global Times. 2019. 20 Jan.
3. *Zhao Y.* Economy, Dialogue Calm ‘Yellow Vest’ Movement // Global Times. 2019. 17 Sep.
4. Grup Yorum’la Küba’daki Antiemperyalist Toplantıya Alınmasına İlişkin Röportaj // Halkın Sesi TV. 2019. 1 Dec. URL: <https://www.halkinsesitv.pw/2019/12/grup-yorum-toplantya-almayan-kuba.html> (дата обращения: 05.05.2020).
5. *Oner I., Shehadeh L.* In Venezuela, an Isolated Maduro Searches for Allies Across the Globe // War on the Rocks. 2019. 30 Jan. URL: <https://warontherocks.com/2019/01/in-venezuela-an-isolated-maduro-searches-for-allies-across-the-globe/> (дата обращения: 05.05.2020).
6. *Romerstein H.* The Communist International Youth and Student Apparatus (A Monograph Prepared for the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act and Other Internal Security Laws of the Committee on the Judiciary United States Senate). Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1963. 83 p.

7. Altbach P.G. Japanese Students and Japanese Politics // *Comp. Educ. Rev.* 1963. Vol. 7, № 2. P. 181–188.
8. van Maanen G. *The International Student Movement: History and Background.* The Hague: International Documentation and Information Centre, 1967. 351 p.
9. Moscow TASS in English to Europe 2106 GMT 20 August 1962 // Foreign Broadcast Information Service, Daily Report Foreign Radio Broadcasts, № 164. 1962. 22 Aug.
10. Tokyo in Russian to Europe and the USSR 0615 GMT 21 August 1962 // Foreign Broadcast Information Service, Daily Report Foreign Radio Broadcasts, № 164. 1962. 22 Aug.
11. За мир, свободу и прогресс // Комсомол. правда. 1962. 30 авг.
12. Charges Beating in Moscow // *The Militant.* 1962. 17 Sep. URL: <https://themilitant.com/1962/2633/MIL2633.pdf> (дата обращения: 13.10.2019).
13. Çayan M. *Bütün Yazıları.* İstanbul: Boran Yayınevi, 2008. 462 p.
14. Hessler J. Death of an African Student in Moscow: Race, Politics, and the Cold War // *Cahiers du monde russe.* 2006. Vol. 47, № 1–2. P. 33–63.
15. Розовская Л. Они учились в СССР: пер. с BBC // ИноСМИ.ру. 2010. 7 февр. URL: <https://inosmi.ru/social/20100207/158037724.html> (дата обращения: 11.10.2019).
16. О расширении культурных и общественных связей с негритянскими народами Африки и усилении влияния Советского Союза на эти народы: постановление ЦК КПСС от 20 января 1960 г. № П 260/XXVI // Документы XX века. URL: <http://doc20vek.ru/node/4192> (дата обращения: 10.10.2019).
17. Молодежь мира придет в университет дружбы // Комсомол. правда. 1960. 24 февр.
18. Сегодня открывается Университет дружбы народов // Комсомол. правда. 1960. 17 нояб.
19. Мазов С.В. Воспитывать «людей с прогрессивными взглядами, искренних друзей Советского Союза». Государственная политика в отношении обучавшихся в СССР африканцев, первая половина 1960-х годов // *Рах Африана: континент и диаспора в поисках себя: сб. науч. ст. / отв. ред. А.Б. Давидсон.* М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2009. С. 331–374.
20. Мазов С.В. Африканские студенты в Москве в Год Африки (по архивным материалам) // *Восток: Афро-азиат. о-ва: история и современность.* 1999. № 3. С. 89–103.
21. Dallin A. *The Soviet Union: Political Activity // Africa and the Communist World / ed. by Z. Brzezinski.* Stanford, California, 1963. 272 p.
22. Moroccans stage Moscow sit-in // *The New York Times.* 1964. 20 Mar. URL: <https://www.nytimes.com/1964/03/20/archives/moroccans-stage-moscow-sitin.html> (дата обращения: 12.10.2019).
23. Студенческие каникулы в Хельсинки // Комсомол. правда. 1962. 22 апр.

References

1. Stalin I.V. Otchetnyy doklad na XVIII S"ezde partii o rabote TsK VKP(b) 10 marta 1939 goda [Report at the 18th Party Congress on the Work of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of March 10, 1939]. *Pravda*, 11 March 1939.
2. Derviş K., Conroy C. Macron Needs to Manage Social Change, Innovations. *Global Times*, 20 January 2019.
3. Zhao Y. Economy, Dialogue Calm 'Yellow Vest' Movement. *Global Times*, 17 September 2019.
4. Grup Yorum'la Küba'daki Antiemperyalist Toplantıya Alınmamasına İlişkin Röportaj. Halkın Sesi TV. 1 December 2019. Available at: <https://www.halkinsesitv.pw/2019/12/grup-yorum-toplantya-almayan-kuba.html> (accessed: 5 May 2020).
5. Oner I., Shehadeh L. In Venezuela, an Isolated Maduro Searches for Allies Across the Globe. *War on the Rocks*, 30 January 2019. Available at: <https://warontherocks.com/2019/01/in-venezuela-an-isolated-maduro-searches-for-allies-across-the-globe/> (accessed: 5 May 2020).
6. Romerstein H. *The Communist International Youth and Student Apparatus (A Monograph Prepared for the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act and Other Internal Security Laws of the Committee on the Judiciary United States Senate).* Washington, 1963. 83 p.
7. Altbach P.G. Japanese Students and Japanese Politics. *Comp. Educ. Rev.*, 1963, vol. 7, no. 2, pp. 181–188.
8. van Maanen G. *The International Student Movement: History and Background.* The Hague, 1967. 351 p.
9. Moscow TASS in English to Europe 2106 GMT 20 August 1962. *Daily Report. Foreign Radio Broadcasts*, no. 164. Wednesday, 22 August 1962.

10. Tokyo in Russian to Europe and the USSR 0615 GMT 21 August 1962. *Daily Report Foreign Radio Broadcasts*, no. 164. Wednesday, 22 August 1962.
11. Za mir, svobodu i progress [For Peace, Freedom and Progress]. *Komsomol'skaya pravda*, 30 August 1962.
12. Charges Beating in Moscow. *The Militant*, 17 September 1962. Available at: <https://themilitant.com/1962/2633/MIL2633.pdf> (accessed: 13 October 2019).
13. Çayan M. *Bütün Yazıları*. İstanbul, 2008. 462 p.
14. Hessler J. Death of an African Student in Moscow: Race, Politics, and the Cold War. *Cahiers du monde russe*, 2006, vol. 47, no. 1–2, pp. 33–63.
15. Rozovskaya L. Oni uchilis' v SSSR [They Studied in the Soviet Union]. *InoSML.ru*, 7 February 2010. Available at: <https://inosmi.ru/social/20100207/158037724.html> (accessed: 11 October 2019).
16. On the Expansion of Cultural and Social Ties with the Black Peoples of Africa and Strengthening of the Soviet Union's Influence on These Peoples: Resolution of the Central Committee of the CPSU no. P 260/XXVI Dated January 20, 1960. *Documents of the 20th Century*. Available at: <http://doc20vek.ru/node/4192> (accessed: 10 October 2019) (in Russ.).
17. Molodezh' mira pridet v universitet druzhby [World's Youth Will Come to the Friendship University]. *Komsomol'skaya pravda*, 24 February 1960.
18. Segodnya otkryvaetsya Universitet druzhby narodov [Peoples' Friendship University Opens Today]. *Komsomol'skaya pravda*, 17 November 1960.
19. Mazov S.V. Vospityvat' "lyudey s progressivnymi vzglyadami, iskrennikh druzey Sovetskogo Soyuza". Gosudarstvennaya politika v otnoshenii obuchavshikhsvya v SSSR afrikantsev, pervaya polovina 1960-kh godov [To Educate "People with Progressive Views, Sincere Friends of the Soviet Union". State Policy Towards Africans Who Studied in the USSR, First Half of the 1960s]. Davidson A.B. (ed.). *Pax Africana: kontinent i diaspora v poiskakh sebya* [Pax Africana: Continent and Diaspora: Self-Discovery]. Moscow, 2009, pp. 331–374.
20. Mazov S.V. Afrikanskie studenty v Moskve v God Afriki (po arkhivnym materialam) [African Students in Moscow During the Africa Year (Based on Archival Materials)]. *Vostok: Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 1999, no. 3, pp. 89–103.
21. Dallin A. The Soviet Union: Political Activity. Brzezinski Z. (ed.). *Africa and the Communist World*. Stanford, 1963. 272 p.
22. Moroccans Stage Moscow Sit-in. *The New York Times*, 20 March 1964. Available at: <https://www.nytimes.com/1964/03/20/archives/moroccans-stage-moscow-sitin.html> (accessed: 12 October 2019).
23. Studencheskie kanikuly v Khel'sinki [Student Holidays in Helsinki]. *Komsomol'skaya pravda*, 22 April 1962.

DOI: 10.37482/2687-1505-V071

Yanlik Levent

Don State Technical University;

pl. Gagarina 1, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8653-8295> e-mail: lenta47@list.ru

A TEST FOR SOVIET INTERNATIONALISM: FOREIGN STUDENTS IN THE USSR IN THE EARLY 1960s

For leftist movements internationalism, as a principle of Marxism-Leninism, has always been of great importance. The paper discusses Soviet internationalism in relation to foreign students in the USSR in the early 1960s. The author emphasizes some characteristics of the first stages of ideological struggle between Soviet and Chinese communists in connection with the international youth movement and dwells on three demonstrations of foreign students in the Soviet Union. The first one took place on August 5, 1962 in Red Square and was arranged by a militant leftist Japanese student organization Zengakuren against Soviet nuclear tests. After returning home, their leader Nemoto filed a lawsuit against the Soviet police. However, this campaign failed to provoke anti-Soviet hysteria, but revealed

lack of unity between the movements. On December 18, 1963, a demonstration of African students took place in Red Square following the death of Assare-Addo, a medical student from Ghana. This incident is considered against the background of conflicts with African students and a diplomatic crisis in the end of 1961, caused by student demonstrations in Guinea, which were supported by Guinean students in the Soviet Union. During the third demonstration on March 17, 1964, about 50 Moroccan students broke into the Moroccan embassy in Moscow and organized a sit-in to protest the death sentences against 11 people in Morocco who had allegedly planned to assassinate King Hassan II. Thus, the correlation between socialist statehood and the principle of internationalism showed a certain pattern: when there is a state, internationalism is put to a serious test. The first protests of foreign students in the USSR clearly prove this point.

Keywords: *internationalism, Zengakuren, Edmund Assare-Addo, protest demonstrations in Red Square, Soviet nuclear tests, foreign students in the USSR.*

Поступила: 19.06.2020

Принята: 14.12.2020

Received: 19 June 2020

Accepted: 14 December 2020

For citation: Yanlik L. A Test for Soviet Internationalism: Foreign Students in the USSR in the Early 1960s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, no. 1, pp. 21–32. DOI: 10.37482/2687-1505-V071